

DOI 10.25991/AE.2019.61.70.015
УДК 82–32

О. Е. Этингоф

Этингоф Ольга Евгеньевна — доктор искусствоведения, главный научный сотрудник НИИ теории и истории изобразительных искусств при Российской Академии художеств, etinhof@mail.ru

«ПАСХАЛЬНЫЙ» СЮЖЕТ 1920-ГО ГОДА (СПАСЕНИЕ М. А. БУЛГАКОВА И Ю. Л. СЛЕЗКИНА)*

В статье рассматривается владикавказский период М. А. Булгакова и характер его взаимоотношений с Б. Е. Этингофом. Автор статьи подробно останавливается на событиях 1920 года, времени, когда Булгаков находился на Кавказе и некоторое время сотрудничал в газете «Кавказ», по характеру деятельности тесно общался с писателем Ю. Л. Слезкиным. Автор работы детально проясняет обстоятельства ареста и спасения Булгакова и Слезкина, произошедшего благодаря Б. Е. Этингофу.

Ключевые слова: М. А. Булгаков, Ю. Л. Слезкин, Б. Е. Этингоф, «пасхальный сюжет», владикавказский период.

О. Е. Etingof

“EASTER PLOT” OF 1920 (SALVATION OF M.A. BULGAKOV AND L.Y. SLEZKIN)

The article considers the Vladikavkaz period of M. A. Bulgakov and the nature of his relationship with B. E. Etingof. The author of the article dwells in detail on the events of 1920, the time when Bulgakov was in the Caucasus and for some time collaborated in the newspaper “Caucasus”, by the nature of his activities he closely communicated with the writer Y. L. Slezkin. The author of the work clarifies in detail the circumstances of the arrest and rescue of Bulgakov and Slezkin, which occurred thanks to B. E. Etingof.

Keywords: M. A. Bulgakov, Y. L. Slezkin, B. E. Etingof, “Easter plot”, Vladikavkaz period.

Задача настоящей статьи прокомментировать взаимоотношения М. А. Булгакова с Б. Е. Этингофом владикавказского периода, используя мемуары его родственников (в том числе Е. Ф. Никитиной) и литературные произведения, учитывая контекст общей политической ситуации в Терской области весны и лета 1920 г.

Вначале обратимся к мемуарам. Вот, что вспоминает Е. Б. Этингоф:

«Твердо помню слова отца, сказанные не без гордости: “Во Владикавказе я спас М. А. Булгакова”. Я слышал их неоднократно в 1930–40-е годы. Приблизительно помню рассказ об обстоятельствах самого спасения. Отец приехал во Владикавказ в апреле (?) 1920 г., после ухода денкинцев, когда город уже был занят красными. Ему как члену ревкома и зав. Наробраза доложили, что в городе обнаружен бывший белый офицер (не врач, но именно офицер), да еще с чемоданом рукописей, и спросили, что с ним делать. Кажется, при этом упоминалось, что тот был болен тифом. Отец встретился с ним. Поговорив с “офицером”, он убедился, что это интеллигентный человек, стремящийся заниматься литературным трудом, не замышляющий ничего плохого против красных, и распорядился не трогать его. Это важно постольку, поскольку белых тогда, как я понимаю, арестовывали и расстреливали. Я не помню, чтобы отец упоминал в связи с М. А. Булгаковым писателя Ю. Л. Слезкина, а также тот факт, что они оба работали под его началом во Владикавказе» [56].

Э.Л. и Р. И. Бобровы вспоминали о рассказе Б. Е. Этингофа спустя 53 года в августе 2007 г., однако в их пересказе содержатся конкретные и важные детали:

«В 1950-х гг. Е. Ф. Никитина организовала на своей даче в Гудауте литературные вечера, подобные московским субботникам, собирая местную интеллигенцию — врачей, учителей. В октябре 1954 г. в присутствии многочисленных гостей Е. Ф. Никитиной Б. Е. Этингоф рассказывал там об обстоятельствах владикавказского эпизода. Ему доложили, что в городе обнаружено “белогвардейское гнездо”, все участники которого арестованы местной ЧК и сидят в тюрьме (?). При этом Б. Е. Этингофу сообщили, что один (?) из задержанных имеет отношение к литературному труду. Затем к нему на допрос привели этого человека, который и оказался М. А. Булгаковым. Они поговорили, М. А. Булгаков рассказал о том, что бежал из Киева, что у Деникина в боевых действиях участия не принимал, а был лишь врачом, и что интересы его ко времени весны 1920 г. сосредоточены уже в сфере литературной деятельности. В ходе беседы Б. Е. Этингоф убедился в его обширных познаниях, касающихся русской (?) литературы, и велел освободить» [56].

Сохранилось также переложение рассказа Б. Е. Этингофа о том же эпизоде еще в одной версии Е. Ф. Никитиной — в машинописной записи ее лекции о Булгакове от 10.01.69. Этот рассказ гораздо более подробный и, как представляется, более до-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–012–00374 «М.А. Булгаков: pro et contra. История и современное отношение к наследию Михаила Булгакова»

стоверный, чем версия, опубликованная М. О. Чудаковой со слов журналиста В. М. Захарова. По словам Е. Ф. Никитиной, Б. Е. Этингоф сам выступал на одном из субботников и сообщал об аресте красными не только М. А. Булгакова, но и Ю. Л. Слезкина весной 1920 г. во Владикавказе. Когда состоялся этот субботник с рассказом Б. Е. Этингофа: до Второй мировой войны или после нее, из повествования Е. Ф. Никитиной не ясно. Может быть, она называет заседанием какой-то из вечеров в Гудауте 1950-х гг. Возможно, Э.Л. и Р. И. Бобровы описали аналогичный или даже тот самый вечер.

«У нас на одном из заседаний рассказал один из бывших членов правительства на юге, когда там были меньшевики: наши товарищи работали в очень сложных условиях и особенно вели борьбу с теми, кто работал в литературном полужурнале, полугазете “Осваг”. В этом журнале было непристойно участвовать, но некоторые писатели иногда попадались. Было выпущено объявление, что этих писателей надо уничтожить, так как участие в этом журнале было доказательством их абсолютной несоветскости. И вот однажды, — рассказывает этот товарищ — ему прислали список участников “Освага”. Там были две фамилии: Юрий Слезкин и Михаил Булгаков. У обоих были помещены рассказы. Этот товарищ просил, чтобы к нему привели этих двух заключенных. На завтра они должны были перестать существовать. Пришел Ю. Слезкин, очень болезненный, с синими подпалинами под глазами, очень слабый, стоявший с трудом на ногах. Будем называть человека, который вел следствие, Борисом Евгеньевичем. Он спрашивает: “Как случилось, что вы стали участником “Освага”, верно ли это, подтверждаете ли вы это?”. Ю. Слезкин грустно, немного заискивающе сказал: “Да, это верно, но дело в том, что не я поместил это. Винюсь, что я написал стихотворение, которое было ко двору Осваг’у, но поместили без меня, без меня меня женили”. Человек, который вел следствие, спросил: “А если бы вы остались жить, могли ли бы вы дать слово, что, во-первых, никогда не участвовали бы в этом журнале, и, во-вторых, наоборот активно помогали бы нам во всем?” — “Чем?” — “Есть ли у вас другая профессия, кроме писателя? У нас организуются рабфаки — могли бы вы там работать, преподавать не за страх, а за совесть?”. — Он живо и охотно ответил: “Да, да, охотно”. Следователь попрощался с ним и сказал, что так и будет. На другой же день с утра дал указание, чтобы Слезкину дали такую работу и следили бы за ним. Но сейчас надо верить ему, так как человек сказал очень искренне. Одно было неприятно, что был такой униженный, нехороший тон. С другой стороны положение было настолько тяжелое, что это до известной степени оправдывало его. Следующим и последним привели М. Булгакова. Следователь сказал ему, как и первому, чтобы он сел. Он ответил: “Могу и стоять”. На вопрос, верно ли, что он участвовал в журнале, он ответил “Да” — и не только эта статья, но были и две другие, — и рассказал, почему он это делал: “Знаете, они поступают плохо, но и вы тоже посту-

паете плохо”, и дал большую критику, без брани, пристойную, но очень резкую и странную критику. Борис Евгеньевич спросил: “Есть ли у вас еще профессия, кроме того, что вы писатель?”. — “Писатель с позволения сказать, а в жизни я врач”. — “Если вы останетесь живы, мы направим вас к больным, которых присылают с дороги, у них раны очервивели. Нужно большое мастерство, преданность и умение, чтобы спасти этих товарищей. Можете ли вы обещать, что будете честно работать?”. — Он ответил: — “Можете не предлагать мне таких вопросов, я не буду отвечать. Вы, по-видимому, не знаете, что такое профессия врача. Врачу безразлично, красного, белого или зеленого он будет лечить. Нечего спрашивать. Иначе я работать не могу и, конечно, буду делать все, чтобы помочь, в силу своего разумения”. Он вел себя очень вызывающе. Все, что он говорил, было очень разумно, но форма была такая, что могла вызвать возмущение у делающего вопрос. Борис Евгеньевич сказал: “Хорошо. Пришло два новых эшелона, и с завтрашнего дня вы приступаете к этой работе. Я буду особенно следить за ней”. — “Почему?”. — “Потому что это люди очень близкие нам, партизаны, пострадавшие. Надо сделать все”. — Булгаков сказал: “Хорошо”, — и замечательно работал» [9].

Н. Б. Этингоф добавляет:

«Перебирая свои детские воспоминания, я пришла к выводу, что когда в 20-м году отец был заведующим отделом народного просвещения во Владикавказе, он не мог не встретиться с Булгаковым <...> Отец заметил его, оценил талантливую человека и защитил от донощиков, опознавших “белого офицера”» [55].

Тем не менее, спустя более трех месяцев после апрельских событий, 14.07.20, в белой газете «Великая Россия» появилось известие о расстреле Ю. Л. Слезкина:

«Газеты принесли печальное известие: во Владикавказе расстрелян за службу в осведомительном отделении беллетрист Ю. Слезкин. Здесь, на юге, это имя, пожалуй, мало что скажет читающей публике, но у нас в далеком Петрограде имя это было достаточно известно. Еще совсем молодой, лет тридцати, красивый, жизнерадостный Юрий Львович Слезкин занимал не последнее место в среде современных писателей. Незадолго до большевизма он начал издавать (будто бы предчувствуя гибель свою) полное собрание своих сочинений... Трудно представить себе <...> что он расстрелян <...> Мир праху твоему. Пусть там за гробом снится тебе Великий Петроград и не мучают светлую душу твою кошмары последних лет» [4].

На следующий день, 15.07.20, в журнале «Жизнь» сообщалось: «Юрий Слезкин, молодой, пылкий, талантливый, погиб от пули владикавказской чрезвычайки» [15].

18.07.20 в газете «Голос России» о Слезкине появился некролог под названием «Голос друга», написанный А. М. Дроздовым, который сотрудничал

до этого в Осваге [12]. В ноябре 1920 г. в журнале «Книга и революция» появилось сообщение о смерти ученых и писателей, среди которых был упомянут и Слезкин [22]. В январе 1921 г. А. С. Яценко опубликовал сведения о Слезкине:

«Относительно дальнейшей судьбы его одна газета сообщала, что он был расстрелян во Владикавказе большевиками за службу в деникинском отделе пропаганды. По другим сведениям он состоит членом одной из просветительских секций “Пролеткульта” и комиссии по охране памятников искусств, сотрудничает в газете “Деревенская беднота”, работает в “Союзе деятелей художественного слова” в Петрограде» [33].

07.02.21 С. А. Соколов (Кречетов) вскоре упрекал А. С. Яценко за эту информацию:

«Вы, скажем, пишете о Юрии Слезкине, что, по одним слухам он расстрелян за работу в Деникинской пропаганде, а по другим, благополучно работает где-то в Пролеткульте. Что с ним в действительности, Вы не знаете. Хорошо, если он помер. Мертвому — все равно. А если он, кое-как замазав следы своей работы на Юге в Осваге, ухитрился уцелеть и кое-как приткнулся в Пролеткульте (как делает множество)? Большое он получит удовольствие, когда “Русская книга” приедет в Москву и его мигмом притянут, куда следует, опираясь на сведения из журнала» [34].

Слух о гибели Слезкина продолжал распространяться, в 1921 г. в Берлине вышла книга писателя с предисловием А. М. Дроздова, повторявшим его некролог:

«И о Слезкине приходится говорить как о мертвом — жизнь верна себе, ожаднели разверстые могилы. Газеты принесли слух, и слух этот подтвердился: Юрий Слезкин казнен большевиками на Кавказе в 1920 г., в период марта, апреля или мая месяцев, непосредственно вслед за падением власти генерала Деникина на юге России. Жизнь прервалась всего на 34-м году...» [13, с. 89, прим.18].

В 1922 г. Р. Б. Гуль в записке, адресованной А. С. Яценко писал: «Слезкин, только что выпущенный из Чеки, голодает» [34, с. 84].

Некоторые отголоски ареста Слезкина во Владикавказе содержатся в мемуарах его сына, Льва Юрьевича:

«22 марта 1920 г. Владикавказ заняли красные. Отца допрашивали, но отпустили с миром <...> Их [денег] хватило ненадолго, — отвечала мать. — Ушли на пропитание, на одежду, на вызволение Юрия из рук белой контрразведки и ЧК. На долгом пути от Чернигова до Владикавказа и от Владикавказа до Полтавы его то и дело подвергали аресту, отводили в комендатуру, а то и прямо в тюрьму. Я умоляла, спорила, очаровывала и подкупала красных и белых» [36, с. 25–27].

Сам Слезкин в печати опровергал известия о своем расстреле шутливо и всерьез в 1920

и в 1921 гг.: «Слух о моей смерти, несомненно, преувеличен: я сегодня жив, что, конечно, не дает мне возможности поручиться за завтрашний день» [38, с. 16].

Эти многочисленные публикации служат подтверждением ареста Слезкина (вероятно, также и Булгакова) и их обвинения в сотрудничестве с Освагом. Литературного имени у М. А. Булгакова еще не было, естественно, что упомянут только Слезкин. Е. Ф. Никитина назвала Осваг неким литературным печатным органом, в то время как это было Осведомительное агентство при главкоме Добровольческой армии, с февраля 1919 г. входившее также в состав отдела пропаганды той же армии. Напомним, что к лету 1920 г. Слезкин, кажется, действительно был уже уволен из подотдела искусств, в Терской области активно действовало ЧК X-й армии, и резкое осуждение получило выступление апологетов А. С. Пушкина на владикавказском диспуте. Вероятно, именно обвинение в связях с Освагом и было главным основанием для последовательного увольнения обоих писателей из состава наробраза.

Попытаемся прокомментировать и верифицировать все приведенные мемуары. В этом контексте для подтверждения ареста и спасения Булгакова Б. Е. Этингофом правомерно и плодотворно попытаться найти реальную подоплеку и в автобиографической прозе самого Булгакова, в романе Слезкина и поэме Г. С. Евангулова.

У М. О. Чудаковой читаем:

«<...> Тщательно скрывая в первые московские годы свое недавнее прошлое, опуская или “переодевая” эти годы в автобиографиях <...> Булгаков щедро открывает их в своих художественных текстах — только об этом прошлом и пишет, воссоздавая его снова и снова! Внутреннее литературное устремление оказывается сильнее любых поведенческих благоразумных соображений» [54, с. 225].

«<...> Роман Слезкина может служить своеобразным источником, помогающим восстановить облик Булгакова 1920–1921 годов. <...> Не литературными средствами, и скорее с бытовой обнаженностью фиксируются черты, по-видимому, немаловажные в складе личности Булгакова <...>» [54, с. 138–139].

Заметим, что, если верить Е. Ф. Никитиной, в романе Слезкина отразился и его собственный печальный опыт владикавказской жизни. Детали, перекликающиеся с рассказом Б. Е. Этингофа, мы находим в воспоминаниях первой жены Булгакова. Т. Н. Лаппа рассказывала, что, еще уезжая из Киева во Владикавказ, писатель уже брал с собой какие-то рукописи: «Было немного рукописей, но это он сам укладывал <...> Это он мне не показывал. Он всегда скрывал» [31, с. 72–73].

Аналогичные упоминания встречаются и в «Необыкновенных приключениях доктора» Булгакова, которые начинаются с описания чемодана врача-литератора, где хранятся его записки, а затем писатель вновь упоминает записную книжку:

«Как бы там ни было, чемодан, содержащий в себе 3 ночных сорочки, бритвенную кисточку, карманную рецептуру доктора Рабова (изд. 1916 г.), две пары носков, фотографию профессора Мечникова, окаменевшую французскую булку, роман “Марья Лусьева за границей”, 6 порошков пирамидона по 0,3 и записную книжку доктора, попал в руки его сестры <...> Что же буду записывать в книжечку до последнего. Это интересно. <...> Интересно, кому достанется моя записная книжка? Так никто и не прочтет!» [1, т. 1, с. 163, 172–173].

Подобное упоминание встречаем и у Слезкина: «Алексей Васильевич <...> хотел, наконец, сесть за письменный стол, перелистать свои записные книжки <...>» [40, т. 3, с. 38].

В «Записках на манжетах» читаем:

«С креста снятый, сидит в самом центре писатель и из хаоса лепит подотдел. Тео. Изо. Сизые актерские лица лезут на него. И денег требуют. После возвратного — мертвая зыбь. Пошатывает и тошнит. Но я завываю. Зав. Лито. Осваиваюсь. — Завподиск. Наробраз. Литколлегия. Ходит какой-то между столами. В сером френче и чудовищном галифе. Вонзается в группы, и те разваливаются. Как миноноска, режет воду. На кого ни глянет — все бледнеют. Глаза под стол лезут. Только барышням — ничего! Барышням — страх не свойствен. Подошел. Просверлил глазами, вынул душу, положил на ладонь и внимательно осмотрел. Но душа — кристалл! Вложил обратно. Улыбнулся благосклонно. — Завлито? — Зав. Зав. Пошел дальше. Парень будто ничего. Но не поймешь, что он у нас делает. На Тео не похож. На Лито тем более» [1, т. 1, с. 185–186].

Персонаж во френче и галифе — чекист-осведомитель. В образе зав. лито Булгаков, вероятно, изобразил в первую очередь самого себя, а Слезкин мог быть прототипом сидящего писателя, лепящего подотдел.

Тема угрозы ареста героя, бывшего завлито, повторяется в «Записках на манжетах» и дальше, после диспута о Пушкине: «Я — уже не завлито. Я — не завтео. Я — безродный пес на чердаке. Скорчившись сижу. Ночью позвонят — вздрагиваю <...> А я пропаду как червяк <...> Ведь этот кретин подведет меня под арест!..» [1, т. 1, с. 188, 195].

У Слезкина идентичная ситуация, связанная с Алексеем Васильевичем, описана почти теми же словами. И отнесена она именно к летнему периоду после диспута: «Ведь я теперь даже не завлито и не предирлитколлегия — я ничто, пария, червь — вот что я такое» [40, т. 3, с. 52].

Алексей Васильевич также переболел тифом, медленно выздоравливает, за время его болезни денкинцев в городе сменили красные, его внешность сходна с Булгаковым. После болезни герой романа приходит в помещение бывшей редакции белой газеты «Кавказ» и находит там нового редактора Авалова, подчинявшегося временному ревкому: «Старые сотрудники могут оставаться на своих

местах, если <...> Объявлены вне закона только те, кто эвакуировался с добармией. Остальные будут амнистированы» [40, т. 3, с. 40].

В здании на Александровском проспекте во Владикавказе друг друга сменяли редакции газет: «сначала “Кавказа”, потом “Известий ревкома”, “Коммуниста”» [28, с. 150].

Это здание бывшего Общества взаимного кредита, которое находилось на углу Александровского проспекта и Евдокимовской улицы, оно сохранилось и поныне. Петр Ильич (прототипом которого для Слезкина, вероятно, послужил редактор газеты «Кавказ» Н. Н. Покровский) тайно приезжает во Владикавказ, чтобы уладить дела с правами на собственность типографии. Обстоятельства, касающиеся его приезда, несомненно, имеют документальную основу, поскольку две городские типографии были национализированы в мае:

«Приказ № 19. От 21-го мая 1920 г. Терского областного совета народного хозяйства. Существующие в городе Владикавказе бывшая Областная типография и типография бывшего “Освага” при добровольческой армии передаются со всем инвентарем, запасами бумаги и прочими материалами Полиграфическому отделу Совета народного хозяйства» [46].

Появление Петра Ильича в городе вызывает страх у Алексея Васильевича. Тема страха самого главного героя возникает многократно. Женщины подшучивают над его опасениями:

«Вы точно все время чего-то боитесь, от чего-то прячетесь, что-то хотите скрыть, затушевать» [40, т. 4, с. 12]; «<...> Каждую секунду, каждую секунду чувствовать себя затравленным зверем, дрожать за свою шкуру <...> Ни одно движение, ни один поступок не принадлежит вам. Самую мысль взяли на подозрение» [40, т. 4, с. 15].

О вошедшей в привычку замкнутости Булгакова и его нежелании посвящать окружающих в подробности своей жизни уже в Москве вспоминала в 1969 г. Е. Ф. Никитина [10]. Именно так, в частности, вел себя Булгаков на субботнике 30.12.22, когда читал там «Записки на манжетах», скрывая автобиографический контекст своего сочинения [11]. Тот факт, что Булгаковы были страшно напуганы весной 1920 г. при большевиках, подтверждает и решение Т. Н. Лаппы идти работать в контору угрозыска, о чем она рассказывала сама [54, с. 135].

Роман в стихах Г. С. Евангулова был опубликован в 1946 г., т. е. уже после смерти Булгакова, тем самым поэт был свободен в использовании материала его биографии, которые уже не могли представлять для него опасности в СССР. Описание внешности Павла Павловича Пупкова, как и у Слезкина, напоминает Булгакова: он светловолос, остроумен, артистичен, музыкален, внимателен к своей одежде и склонен к интеллектуальным беседам и к прогулкам в парке (не в Треке ли?):

Весельчак и балагур,
Шевелюрой белокур, —
Молодца видать по взору. —
Он водил с гитарой дружбу <...>
Был он молод, был он франт.
На фуражке — желтый кант.
О возвышенных предметах
Говорил он и мечтал,
И в начищенных щиблетах
В городском саду гулял [14, с. 5].

В поэме Евангулова содержится еще одна примечательная деталь, которая, возможно, отражает реальное состояние Булгакова во Владикавказе. Поэт пишет, что Павел Павлович Пупков отрастил бороду при большевиках:

Внешним видом изменился,
Обнаглел и опростился,
Словом, стал и сам не свой,
Обзавелся бородой.
Для солидности же пуше,
Отрастил ее погуще <...> [14, с. 19].

Не известно достоверно, носил ли Булгаков бороду во Владикавказе. Однако С. Д. Бобров и Б. С. Мягков обнародовали фотографию 1920 г.(?), на которой перед колоннадой летнего театра на Треке в группе местных актеров (?) запечатлены Т. Н. Лаппа и, предположительно, сам писатель [27, с. 113]. Этот очень худой мужчина, похожий на Булгакова (истощенного после контузии и тифа?), действительно имеет маленькую светлую бородку, которая усугубляет худощавость облика. Если Булгаков был арестован, в заключении он неминуемо оброс бородой, сам того не желая. Кроме того, на фотографии у него фуражка со светлым кантом, как и у героя Евангулова. По воспоминаниям Т. Н. Лаппа (в изложении Л. Паршина), Булгаков отращивал бородку еще в Киеве во время ее поездки в Саратов на Рождество 1913 г.: «Такая смешная бороденка была, рыжая» [31, с. 40]. Не смешала ли она в забывчивости даты или даже не сдвинула ли намерен-

Слезкин описывает разговор Алексея Васильевича, уволенного из подотдела искусств, с Аваловым, который в это время заведует Терским отделением Кавроста. Алексей Васильевич пытается устроиться к нему на работу:

«Дело в том <...> что в настоящую минуту, как вам известно, я в положении крепостного, получившего вольную без надела и гражданских прав. Не сказал бы, чтобы это было забавно. Я просил дать мне разрешение на выезд, но мне его не дали. Дают только командировочным. Тогда я вспомнил о вас. — Наш маленький диспут о Пушкине? <...> — Если не изменяет мне память — в первую нашу встречу... <...> вы предложили мне... <...> — Предложил вам работу в газете <...> — Да, да, что-нибудь вроде

но хронологию? Во всяком случае, это значит, что периодически улгаков бороду носил.

Возможно, что и название города «Красно-дар» было избрано Евангуловым в поэме не в качестве конкретного топонима (скрывающего к тому же аллюзии на владикавказские события), но как образ южного города эпохи гражданской войны, оказавшегося под властью большевиков, которая, как и ее террор, была «даром красных» [31, с. 19]. Примечательно, что это «красное» имя город Екатеринодар получил как раз в 1920 г., когда Евангулов работал в «покрасневшем» Владикавказе. Вместе с тем, Краснодар и территориально находился недалеко от Терской области.

В «Записках на манжетах» Булгаков говорит о Слезкине и о себе, что они подышали «<...> как жуки на булавках» [1, т. 1, с. 189].

По-видимому, это также было иносказанием о реальной угрозе их жизни и прикованности к месту, которые стали общей судьбой обоих писателей. Их могли освободить из-под ареста только без права покидать город.

При большевиках Павел Павлович Пупков в поэме Евангулова должен был заполнить подробнейшую анкету ЧК для регистрации, которая состояла из многочисленных параграфов:

И Пупков однажды утром
Получил анкетный лист <...>
§ 5.
Признаете ль вы царя?
На какие жили средства?
Где проистекало детство
До и после Октября?
§ 6.
Что имели на виду
Вы в семнадцатом году?
В самый год переворота?
Где служили? Офицером?
Рядовым? Какая рота?
Полк? Свидетельства месткомов.
Отношение к эсерам.
Перечислить всех знакомых [14, с. 24–25].

хроникера, если это возможно. Что-нибудь менее ответственное... <...> — Вот что, товарищ <...> я, конечно, не откажусь от вашей помощи и настою на том, чтобы вас приняли, как высококвалифицированного и полезного работника, но имейте в виду, говорю вам по секрету, будьте осторожны. Вы понимаете сами. Все знают, в какой газете вы сотрудничали, у вас есть враги, кое-где вы на замечании, и малейшая оплошность с вашей стороны может повести к неприятным последствиям. Конечно, пока вы у меня, вас не тронут, т. к. я пользуюсь влиянием, и донос, откуда бы ни шел, сумею обезвредить, взяв на свою ответственность. Но все-таки... остерегайтесь знакомств — они у вас имеются. Вы меня понимаете. Не буду называть имен, но нам все известно <...> Все-таки мы с вами коллеги <...> Подавайте заявление, заполняйте анкету и начинайте действо-

вать. Алексею Васильевичу кажется, что этот человек загнал его в коробку, захлопнул крышку и сидит на ней <...> — Вот это называется взять на крюк <...> связать по рукам и ногам, заткнуть кляп в глотку и уверять, что ты новорожденный... А ну-ка, зарубежные милостивые государи, будьте любезны. Честь и месть. Вас приглашает хроникер стеноидной газеты, ваш бывший коллега» [40, т. 4, с. 53–55].

Как уже говорилось, Г. А. Астахов (прототип Авалова) был смещен с должности редактора газеты «Коммунист» еще в первой половине июня. 10.06.20 издано распоряжение [47]. А на заседании Терского областного бюро РКП (б) 14.06.20 было вынесено решение «тов. Астахова предложить председателю Совнархоза в качестве заведующего полиграфическим отделом с совмещением заведывания Терроста» [44].

Г. А. Астахов действительно с июля 1920 г. упоминается в сохранившейся переписке в качестве завтравроста (19.07.20, 31.07.20 и 21.08.20), тем самым эпизод романа Слезкина основан на документальных данных [32; 48].

Вместе с тем, возможно, что Авалов у Слезкина — некий собирательный образ начальника-коммуниста во Владикавказе: в нем могли отразиться взаимоотношения Булгакова и с Б. Е. Этингофом. «Вольная крепостного», которую получил герой, вероятно, и была указанием на амнистию Булгакова, а, может быть, и самого Слезкина.

Эпизод о «гуманном человеке», рассказанный Алексеем Васильевичем в романе «Столовая гора», возможно, также имеет документальную основу, связанную с биографией обоих писателей (?), но особенно отчетливо в нем угадывается личность Булгакова. Вероятно, именно поэтому Слезкин подчеркивает, что это не воспоминания его героя, но история, случайно услышанная знакомым:

«Дело в том, что его приятель-врач, собственно даже не приятель, а так, знакомый, случайно разговорился в дороге с одним молодым человеком, особистом. Как врачу, ему интересно было знать, как ведут себя те, которых должны расстрелять, и что чувствуют те, кому приходится расстреливать. <...> Однажды ему пришлось иметь дело с интеллигентным человеком. Это — бывший кадет, денкинец; застрял в городе, когда пришли красные, и, скрываясь, записался в комячейку. Конечно, его разоблачили и приговорили к расстрелу. Это был заведомый, убежденный, активный контрреволюционер, ни о какой снисходительности не могло быть и речи. Но вот, подите же. Особист даже сконфузился, когда говорил об этом: у него не хватило духу объявить приговор подсудимому. Он не был настолько жесток <...> Особист пригласил к себе приговоренного и объявил ему, что приговор вынесен условный, что ему нужно только подписать его и через день он будет освобожден. Потом вывел его на лестницу и, идя сзади него, выстрелил ему в затылок» [40, т. 4, с. 13–14].

Только финального выстрела в отличие от героя Слезкина Булгакову удалось избежать. Но возможно,

этот выстрел служил указанием на последующее и неожиданное увольнение обоих писателей из подотдела либо вообще на противоречившие друг другу указания ЧК и ревкома. В рассказ Булгакова «Богема» вошел эпизод с другим «гуманным» особистом, который питает почтение к литератору. Но отнесен этот эпизод к моменту отъезда писателя из Владикавказа:

«<...> За столом маленький человек в военной форме, с очень симпатичным лицом <...> Сидящий за столом, увидав меня, хотел превратить свое лицо из симпатичного в неприветливое и несимпатичное, причем удалось ему это только наполовину <...> — А зачем вы в Тифлис едете? Отвечай быстро, не задумываясь, — скороговоркой проговорил маленький. — Для постановки моей революционной пьесы, — скороговоркой ответил я. Маленький открыл рот и отшатнулся и весь вспыхнул в луче. — Пьесы сочиняете? — Да. Приходится. — Ишь ты. Хорошую пьесу написали? В тоне его было что-то, что могло тронуть любое сердце, но только не мое <...> Очнулся я, когда маленький вручил мне папиросу и мой ордер на выезд. Маленький сказал тому с винтовкой: — Проводи литератора наружу» [1, т. 1, с. 224–226].

Представляется также правомерным привести описание сна Алексея Турбина в ранней редакции «Белой гвардии»:

«<...> Турбин уже чувствует, что пришла чрезвычайная комиссия по его, турбинскую душу. Озирается Турбин, как волк, — что же он делать-то будет, если браунинг не стреляет? Голоса смутные в передней — идут. Идут! Чекисты идут. И начинает Турбин отступать и чувствует, что подлый страх заползает к нему в душу. Что ж!.. Страшная ревность, страстная неразделенная любовь и измена, но Че-ка — страшнее всего на свете. <...> — Берите его, товарищи! — рычит кто-то. Бросаются на Турбина. — Хватай его! Хватай!» [1, т. 2, с. 418–419].

Сон этот видит Турбин в ночь перед вступлением в Киев большевиков в начале 1919 г., однако нельзя исключить, что Булгаков использовал здесь и свой владикавказский опыт, т. е. обстоятельства реального ареста весны 1920 г., поскольку никаких сведений о его аресте в Киеве, кажется, у нас нет. Вместе с тем, сообщение Б. Е. Этингофа (в переписке Э.Л. и Р. И. Бобровых) о том, что Булгаков «бежал из Киева», могло быть связано с критическими обстоятельствами августа 1919 г. в этом городе. Как уже говорилось, Булгаковы скрывались в лесу в это время, возможно, они боялись не столько петлюровцев, сколько ЧК. Но в любом случае в «Белой гвардии» отразились и другие события, произошедшие позднее начала 1919 г., т. е. выходящие за рамки действия романа: смерть матери Булгакова в 1922 г. и, предположительно, его контузия ноября 1919 г. Кроме того, Алексей Турбин заболевает тяжелым тифом. Кажется, о заболевании Бул-

гакова в Киеве сведений нет, тогда как именно во Владикавказе эта болезнь сыграла роковую роль в его биографии.

В связи с предполагаемым задержанием Булгакова во Владикавказе вновь целесообразно обратиться к Слезкину. Несколько эпизодов его романа связано с семейством генеральши Рихтер:

«Со дня ухода Добровольческой армии у нее производилось пять обысков, и каждый раз что-нибудь брали. Правда, первые обыски оказались самочинными — в период безвластия. В глухой час ночи раздавался роковой стук в дверь, от которого сразу просыпались все в доме и, затаив дыхание, не шевелясь, забивались под одеяло, слушали. Потом начинали бить без остановки — кулаками и прикладами <...> В длинной ночной рубашке <...> металась генеральша по комнате <...> Лизочка — генеральская дочь и Евгения Ивановна — подруга генеральши, переселившаяся к ней еще при добровольцах, чтобы жить “одной семьей”, полуодетые стояли у дверей, слушая <...> Последний раз пришли по ордеру из Чека <...> выкинули на пол письма сына, убитого на войне с немцами <...> погони сына Димы <...> Генерала выпустили через четыре дня <...> На допросе он то плакал, то с достоинством сухо и коротко чеканил: “так точно”, “никак нет”, по-детски радуясь своей хитрости <...> Следователь улыбнулся, сказав ему, что он свободен <...> Генеральшу продержали дольше. Ей предъявлено было обвинение в хранении “романовских” денег <...> Ей грозили большие неприятности. Но Лизочка бегала к своему новому начальству — предсовнархоза, от него к члену ревкома и в Чека — объясняла, рассказывала, плакала, смотрела преданными глазами, опять объясняла и, наконец, выручила» [40, т. 3, с. 58–61].

Возможно, семья генерала Гаврилова, в доме которой жили Булгаковы, послужила прототипом для членов семьи Рихтер — персонажей Слезкина. К моменту прихода красных во Владикавказ генерал Гаврилов ушел с белыми [41, с. 142], поэтому его жена и пригласила Булгаковых жить у них, о чем сообщает Т. Н. Лаппа [54, с. 119].

В «Коммунисте» от 21.08.20 опубликовано сообщение о смертном приговоре Терского ревтрибунала, который был вынесен финляндской подданной Агнессе Меанпэ, обвиненной в службе контрразведке у белых, выдаче советских работников, личном участии в арестах, избиении и грабеже [24]. Возможно, это и была прислуга Гавриловых. «Ей хотелось, чтобы мы к ней переехали на квартиру. Вскоре мы в доме Гавриловых заняли комнату. Здесь-то М.А. и заболел тифом» [8, с. 55].

Лариса Леонтьевна Гаврилова (именно так называет ее Булгаков в «Записках на манжетах») — не литературный персонаж и не плод мемуарной фантазии, а вполне реальная женщина, к тому же очень быстро решившаяся идти служить красным:

«26.04.1920. Удостоверение. Дано сие Гавриловой Ларисе Леонтьевне в том, что она действительно

состоит на службе в отделе Внутренних дел при Революционном комитете Терской области, что подписью и приложением печати удостоверяется» [49].

Тем самым героиня Слезкина Евгения Ивановна, могла быть образом самой Татьяны Николаевны. Рассказ Слезкина об обыске, во время которого чекисты перебирали вещи сына генерала Рихтера Димы, мог быть связан с арестом реального Дмитрия, сына атамана или самого генерала (?), упомянутого Т. Н. Лаппа. Примечательно, что писатель сохраняет то же имя. Обвинение, выдвинутое против генеральши Рихтер, в хранении романовских денег перекликается с пассажем Булгакова в «Записках на манжетах», где в диалоге с Ларисой Леонтьевной, в бреде во время болезни героя возникают такие же деньги: «Там, в скиту, фальшивые бумажки делали, романовские <...> Не монашки, а бумажки...» [1, т. 1, с. 181].

К тому же описание комнаты, которую занимала актриса Ланская, жившая у Рихтеров, совпадает с тем, что сообщала Т. Н. Лаппа об их жизни в доме Гавриловых:

«Хороший очень дом, двор кругом был, и решеткой такой обнесен, которая закрывалась <...> И стали мы жить там, в бельэтаже <...> Хорошая большая комната была, мебель шикарная...» [31, с. 77, 81]; «Дом был двухэтажный добротный <...> мы жили на втором этаже <...> особняк <...>» [8, с. 58; а также см: 7, с. 36, 53-54; 28, с. 150; 26, с. 125-127].

В. М. Булгакова в письме от 30.12.20 сообщала дочери Н. А. Земской о местонахождении сына: «Адрес Миши: Владикавказ, Маринская ул. Д. 61, кв. 3» [16, с. 132].

Слезкин многократно упоминает аналогичное расположение комнаты Ланской: «Наверху во втором этаже звякает стеклянная дверь, на балконе появляется Ланская. Она склоняется над перилами <...> чугунные перильца <...>» [40, т. 4, с. 44].

В романе Слезкина дом Рихтеров находится близ Лорис-Меликовской: Халил-Бек говорит, что Петр Ильич «два раза проезжал по Лорисмеликовской улице», подразумевая, что он хотел видеть Ланскую [40, т. 3, с. 53].

Если до Гавриловых послужил прототипом дома Рихтеров, а его жители неоднократно подвергались обыскам и арестам, то это могло относиться именно к дому, где жили Булгаковы. Арест чекистами генерала Рихтера, пробывшего в заключении четыре дня, мог быть связан с задержанием какого-то другого мужчины, жившего в доме весной 1920 г., поскольку генерала Гаврилова уже не было в городе. Кто этот мужчина? Вполне правомерно допустить, что это и был арест Булгакова, которого скоро выпустили благодаря его новому начальству в ревкоме, указание на связи и руководство в ревкоме дано Слезкиным в образе Лизочки, а ее хлопоты, возможно, отражают хлопоты Татьяны Николаевны. Тем самым в романе Слезкина мог преломиться эпизод с арестом того самого «белогвардейского

гнезда», о котором говорили Т. Н. Лаппа, а также и Б. Е. Этингоф в Гудауте (по свидетельству Э.Л. и Р. И. Бобровых).

09.02.32 Ю. Л. Слезкин в своем дневнике вспоминал о реакции Булгакова на свой роман «Столовая гора»: «<...> Читал ее Булгакову, он обиделся, что я его вывел» [37, с. 3].

Не потому ли писатель был недоволен, что слишком прозрачна оказалась в романе Слезкина скрываемая им ситуация, связанная с его арестом (несмотря на трансформацию биографического материала в художественную ткань)?

Павел Павлович Пупков в поэме Г. С. Евангулова подвергся обыску ЧК и аресту, а освобожден был на пятый день, т. е., как и в романе «Столовая гора», арест героя продлился около четырех дней. Если Евангулов основывался на событиях биографии Булгакова, то естественно предположить, что портреты кадетов — это фотографии братьев, Николая и Ивана, воевавших у Деникина, которые могли быть у писателя в тот момент. Мы не знаем достоверно, была ли у Булгакова гитара во Владикавказе, но его музыкальность хорошо известна, а игра на гитаре многократно упоминается в семейных сценах Турбиных в «Белой гвардии». Кроме того, есть сведения о многочисленных реквизициях музыкальных инструментов в городе весной 1920 г., о чем сообщалось в газетах: «Все музыкальные инструменты будут взяты на учет и, в случае надобности, реквизированы с уплатой их действительной стоимости» [17]. В частности, наробраз реквизировал рояль у одного из городских училищ и пианино в доме № 22 по Ростовской улице [51].

Организуемый на рубеже марта и апреля 1920 г. подотдел искусств, в который поступил Слезкин, а затем принял на работу Булгакова, представлял собой ячейку пролеткульта. Т. Н. Лаппа называет подотдел то «политотделом», то «культпросветом» [54, с. 134]. Вероятно, писатель в романе именуется комячейкой свой подотдел, а слова «скрываясь, записался в комячейку», и означают эту ситуацию. Булгаков мог «записаться» в подотдел сразу после 27.03.20, когда Слезкин был назначен заведующим. Герой Слезкина назван «заведомым, убежденным, активным контрреволюционером». Писателю было известно и о службе Булгакова у деникинцев в качестве врача, и о содержании его газетных публикаций при белых, таких как «Грядущие перспективы» (газета «Грозный», 13/26.11.19), в которых дана нелицеприятная оценка большевистского движения [54, с.119–124]. О сотрудничестве Слезкина и Булгакова с белой прессой было известно и Б. Е. Этингофу, что следует из рассказа Е. Ф. Никитиной 1969 г. Булгаков опровергал свое сотрудничество с Освагом, однако и он мог быть не вполне откровенен в своих показаниях.

Очевидно, чекисты без труда обнаружили и разоблачили бывшего деникинского врача, застрявшего во Владикавказе из-за болезни, носившего деникинскую форму и жившего в доме белого гене-

рала (с которым было связано белогвардейское подполье). Они также знали о характере публикаций Булгакова в белой прессе. К начальству по линии ЧК или Ревтрибунала поступил соответствующий донос, его арестовали, и найденного белого следовало репрессировать, т. е. без суда приговорить к расстрелу «коллекцией трех» как контрреволюционера.

Если также верить Э. Л. и Р. И. Бобровым и Е. Ф. Никитиной, то Булгаков был препровожден во владикавказскую тюрьму, она находилась на Тифлисской ул.:

«Приказ по отделу юстиции обрешком от 30-го апреля 1920 г. № 2. Все учреждения и лица, коим по закону предоставлено право ареста лиц, заподозренных или уличенных в совершении разного рода преступлений, обязаны при копии соответствующего постановления, направлять арестуемых для содержания: мужчин в Областные общие места заключения (по Тифлисской ул.), женщин в женское отделение мест заключения (по Михайловской ул.), а воинских чинов Красной армии на гауптвахту при Управлении коменданта города Владикавказа <...>» [50].

Тюрьма эта сохранилась и до сих пор используется по прямому назначению. Подробное описание владикавказской (?) тюрьмы содержится в романе Слезкина в связи с арестом Халил-Бека. Однако в реальности аварский художник Халил-Бек Мусавев, прототип героя романа, кажется, никогда аресту не подвергался и не был расстрелян, но благополучно эмигрировал. Согласно рассказу Е. Ф. Никитиной, тюремные сцены у Слезкина также могли быть навеяны реальными обстоятельствами задержания его самого и Булгакова во Владикавказе:

«Целый квартал в центре города обнесен колючей проволокой. В двадцать четыре часа предложили жильцам этого района выбраться и забрать необходимый скарб. Через двадцать четыре часа квартал вымер и зажил новой жизнью. С каждым днем население его увеличивается <...> Иногда их приводят партиями, иногда в одиночку» [40, т. 5, с. 63].

Если арест Булгакова был кратковременным, возможно, что он содержался в здании ЧК на углу Лорис-Меликовской и Воронцовской ул., как герой поэмы Евангулова. Но поскольку его арест, кажется, продлился не менее четырех дней, скорее он был заключен в главную тюрьму на Тифлисской улице. Л. Л. Гаврилова могла быть препровождена в женскую тюрьму на Михайловской улице.

Самой первой регистрацией добровольцев весной 1920 г., по-видимому, была та, которую провел в начале апреля военный комендант города, объявление о ней появилось в газетах «Свободный Терек» и «Известия Ревкома» 06.04.20 (т. е. задним числом):

«Приказ начальника гарнизона города Владикавказа № 6. 2 апреля 1920 года, г. Владикавказ <...>

§ 3. Все лица, служившие в Добровольческой армии, как-то: солдаты, офицеры и чиновники, оставшиеся при отступлении ее, обязаны явиться для регистрации в следующем порядке: фамилии, начинающиеся на буквы: А, Б, В, Г, Д, Е, Ж — 3 апреля к 10 часам дня <...> Все проживающие в городе генералы, штаб- и обер-офицеры, военные врачи, военные чиновники и все прочие чины, также обязаны явиться в эти дни к Военному коменданту, где и получают регистрационные карточки. Все лица, по каким-то причинам не явившиеся на указанный срок, обязаны явиться для регистрации 6 апреля сего года <...>» [35].

В докладе особоуполномоченного особотделения по поводу событий начала апреля содержатся следующие сведения: «Была объявлена регистрация офицеров, которых по частным сведениям насчитывается до 10 тысяч человек, и когда в первый день зарегистрировали 25 человек, немедленно же их арестовали» [45]. Примечательно, что именно в это время у Слезкина реквизировали мебель, вероятно, его задержание (?) и встреча с Б. Е. Этингофом произошли в те же дни:

«2/IV 1920 г. Председ. Ч. К. Прошу приостановить реквизиц. столов в моей квартире по Белявскому переулку д. 3, в виду того, что я занимаюсь по вечерам и ночам. Зав. под отд. Слезкин. Секр. Туаев» [52].

Сведения об арестах в ходе первой регистрации публиковались и в газетах, в частности в «Известиях Ревкома», но количество жертв упоминалось гораздо более многочисленное:

«Арестованные. Обыватели Владикавказа, услышав о том, что явившиеся на регистрацию к коменданту города офицеры в количестве до 100 человек были арестованы, всполошились, и среди них, как это всегда бывает в обывательском болоте, пошли самые разнообразные слухи об этом событии. Многие даже поговаривали о том, что все эти офицеры будут расстреляны, хотя в местных газетах уже объявлялось об отмене смертной казни в России <...> их отпустят на волю» [18].

Б. Е. Этингоф упоминал чемодан с рукописями, скорее всего, в комнате Булгакова был совершен обыск. Слезкин и Евангулов также рассказывают об обысках у своих героев. Однако, поскольку знали о литературной деятельности «офицера», то, прежде чем привести приговор в исполнение, доложили Б. Е. Этингофу как члену ревкома, зав. наробраза и старому члену партии, который мог взять на себя ответственность за амнистию белого. Возможно, это было прямое поручение В. Н. Квиркелия в соответствии с профилем работы Б. Е. Этингофа. Этингоф, если верить его рассказам, еще не был знаком со Слезкиным и Булгаковым и узнал об их существовании только при задержании или разбирательстве их дел. Увидев интеллигентов и литераторов, знающих иностранные языки и стремящихся к творческой деятельности, а к тому же журналистов, т. е.

коллег (!), он избавил их от репрессий, освободил и дал возможность работать в подотделе искусств, который входил в структуру подчинявшегося ему наробраза. Так, герой «Столовой горы» Авалов, обращаясь к Алексею Васильевичу, вспоминает, что они коллеги. Слезкин к тому же в то время имел громкое литературное имя.

Согласно двум версиям воспоминаний Е. Ф. Никитиной и рассказу Э.Л. и Р. И. Бобровых, в разговоре с Б. Е. Этингофом Булгаков откровенно признавался, что он в первую очередь — врач. Вместе с тем, Е. Ф. Никитина дважды настаивала на его медицинской деятельности у красных, что сомнительно. Если писатель какое-то время работал с советской властью в качестве врача, неясно, зачем он впоследствии так скрывал свое медицинское прошлое: во-первых, это было бы бессмысленно, поскольку он уже обнаружил свой профессионализм, во-вторых, он имел бы некоторые заслуги перед красными. Скорее, это следует отнести к числу искажений в рассказах Е. Ф. Никитиной. Как мы видели, достоверность многих деталей в ее повествовании вызывает сомнения, очевидно, что показания Е. Ф. Никитиной нельзя рассматривать в качестве исторического источника, они всегда носят легендарный характер. Самый факт существования двух различных версий в ее изложении служит тому доказательством.

Б. Е. Этингоф должен был заявить свое особое мнение, лично поручиться за писателя, т. е. ходатайствовать о его освобождении перед репрессивным ведомством, Особым отделом и ЧК, перед Реввоенсоветом X армии, как говорится в приказе от 25.05.20. Скорее всего, имя Булгакова было в том самом списке 102 белогвардейцев, амнистию которых с таким трудом и упорством все лето отстаивал В. Н. Квиркелия, а Б. Е. Этингоф был одним из старых большевиков-поручителей, уполномоченных властью, и поручительство свое должен был подтверждать при каждой следующей регистрации добровольцев. Г. Кусов уже обратил внимание на относительно благополучное положение Булгакова при красных:

«Многое говорит о том, что, несмотря на службу Булгакова в качестве военного врача в деникинской армии, местное “красное” начальство отнеслось к нему более чем благосклонно: “не замечало” его назначения в должности заведующего литературной секцией подотдела искусств...» [26, с. 102].

Вероятно, Слезкин и Булгаков были заключены местной ЧК Терской области, если Б. Е. Этингоф мог так легко распорядиться отпустить арестованных, что соответствует его рассказу в Гудауте и изложению Е. Ф. Никитиной в 1969 г. Тем самым это произошло до развернувшейся с конца мая деятельности ЧК X-й армии. Сомнительно, что задержание могло иметь место на протяжении второй и третьей декад апреля или в мае — все это время в газетах и документах Слезкин и Булгаков упоминались уже

как действующие сотрудники подотдела искусств. Скорее всего, их задержание и спасение происходило в самом начале апреля 1920 г. Если Б. Е. Этингоф познакомился с ними как с заключенными в это время, то он сам еще даже не успел вступить официально в должность и познакомился с задержанными ЧК белыми журналистами. Вероятно, в тот момент или сразу же после этого и была узаконена работа Слезкина и Булгакова в подотделе искусств. В. Н. Квиркелия и Б. Е. Этингоф по приезду во Владикавказ, принимая дела, оказались вовлечены в разбирательство доносов и одновременно должны были привлекать имеющиеся в городе профессиональные кадры, в том числе из офицеров-добровольцев, к работе в ведомствах ревкома. Как уже говорилось, информация об учреждении ревкома с В. Н. Квиркелия во главе была опубликована 08.04.20. Соответственно разбирательство, касающееся писателей, могло произойти в те же дни или накануне. Как уже говорилось, объявление о зачислении Слезкина было опубликовано в газете «Коммунист» 06.04.20, а Булгаков впервые назван зав. лито 09.04.20. Это совпадает с хронологией событий в рассказе Е. Ф. Никитиной 1969 г.: вначале состоялось разбирательство, касающееся Слезкина, а затем уже — Булгакова.

Если принимать всерьез эпизоды, описанные Слезкиным, о «гуманном» особисте и об аресте генеральской семьи, то и разговор, и предполагаемое решение об освобождении произошли в один день, но Булгаков мог быть задержан на четыре дня, как генерал Рихтер и Павел Павлович Пупков.

Надо полагать, что «с креста снятый <...> писатель» в «Записках на манжетах» и есть образ Слезкина, а также и Булгакова, спасенных от расстрела. Эта замечательная образная и лапидарная формулировка не только передает суть ситуации спасения, но может служить и конкретным указанием на ее хронологию. Булгаков как человек из духовной среды, сын и крестник профессоров Киевской Духовной академии, не мог не соотносить ход событий с христианским календарем, тем более что в Осетии население было православным и в 1920 г. еще открыто отмечало Пасху. Более того, в связи с празднеством был даже отменен комендантский час на пасхальную ночь:

«Ввиду предстоящего Праздника Светлого Христова Воскресения, когда богослужение в храмах начинается с 12 час. ночи помощник Главнокомандующего войсками Красной армии Терской области разрешил беспрепятственное хождение по городу в эту ночь для посещения храмов» [23].

Произошло спасение, видимо, именно на страстной неделе. В 1920 г. Пасха приходилась на 11.04.20

Дело к Пасхе подходило <...>

Шел тогда двадцатый год <...>
Было то в Великий Пост <...>
И смешавшись с той толпой,

по новому стилю, соответственно Великая Пятница — на 09.04.20. В этот день вместо казни на Распяттии, т. е. расстрела, в большевистской газете получил огласку новый социальный статус Булгакова, тем самым он был «снят с креста». Кроме того, еврейская Пасха (Песах) в 1920 г. приходилась на ночь с 02.04.20 на 03.04.20, это существенно для Владикавказа, где была большая еврейская община. Православная страстная седмица почти совпадала с еврейским праздником опресноков, длящимся семью дней со второго дня Пасхи.

Возможно, что задержан и приговорен (т. е. предназначен к «воздвижению на крест») Булгаков был раньше, скорее всего, в какую-то ночь на страстной неделе около или после 03.04.20. Во всяком случае, вероятно, это произошло во время первой регистрации белогвардейцев, которая проводилась 03–06.04.20 и, как мы видели, закончилась поголовными арестами. Либо полубольной Булгаков совсем не явился, либо, если доверять Евангулову, все-таки он заполнил первую же регистрационную анкету, которая его не спасла, но вызвала сомнения в ЧК, а ночью по доносу (?) за ним пришли. Подобные аресты, как правило, производились по ночам, и именно так описаны эпизоды обысков и арестов чекистами и у Слезкина, и у Евангулова. Сам Булгаков писал об этом в «Белой гвардии»:

«<...> Каждому порядочному человеку, участвовавшему в революции, отлично известно, что обыски при всех властях происходят от двух часов тридцати минут ночи до шести часов пятнадцати минут утра зимой и от двенадцати часов ночи до четырех утра летом» [1, т. 2, с. 272].

Скорее всего, эта регистрация и завершилась 06.04.20, поскольку в газете она была объявлена задним числом, а в последнюю ночь с 05.04.20 на 06.04.20 могли проводиться аресты. Вся история ареста и освобождения Булгакова тем самым, возможно, продлилась дня четыре, со вторника или среды до субботы.

Не имеет ли отношение к этой хронологии также рассказ Булгакова «В ночь на третье число»? Действие там связано с киевскими событиями гражданской войны. Однако, как мы видели, эпизоды киевского и кавказского периодов могли у него переплетаться. Возможно, в эту ночь еврейской Пасхи и прибытия большевиков во Владикавказ совершались какие-то страшные расправы.

Именно к кануну Пасхи 1920 г. приурочены арест и освобождение Павла Павловича Пупкова в поэме Евангулова, после освобождения из-под ареста герой отправляется с женой в церковь на службу:

В церкви стал Пупков с женой.
Странно встретились их взгляды,
Разомкнулись странно вновь,

Золотом горят оклады
 Потемневших образов.
 В церкви душно, в церкви жарко –
 Тут поверишь сгоряча!
 Почему горит так ярко
 Пред Распятием свеча? <...>
 В тишине гудели звоны...
 Среди старух и стариков
 Плакал, верою пронзенный,
 Бывший прапорщик Пупков [14, с. 39–42].

Горящая перед Распятием свеча — еще один образ спасения на страстной неделе. Этот эпизод в поэме Евангулова весьма примечателен. Известно, что отношение Булгакова к христианской вере менялось на протяжении жизни. Н. А. Земская сообщала, что в 1910–1912 гг. Булгаков, хотя был сыном и крестником профессоров Киевской духовной академии, но прекратил поститься и с юношеским нигилизмом определенно высказывал атеистические идеи [16, с. 92, 94, 192]. Однако после гражданской войны его умонастроения изменились, и 26.10.23 в своем дневнике он записал:

«Тип Давида, который все время распевает псалмы, и навел меня на мысль о Боге. Может быть, сильным и смелым он не нужен, но таким, как я, жить с мыслью о нем легче. Нездоровье мое осложненное, затяжное. Весь я разбит. Оно может помешать работать, вот почему я боюсь его, вот почему я надеюсь на Бога» [3, с. 34].

05.01.25 М. А. Булгаков сообщает в том же дневнике:

«Когда я бегло проглядел у себя дома вечером номера “Безбожника”, был потрясен. Соль не в кощунстве, хотя оно, конечно, безмерно, если говорить о внешней стороне. Соль в идее, ее можно доказать документально: Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника, именно его... Этому преступлению нет цены» [3, с. 55].

По свидетельству его племянницы, Е. А. Земской, родившейся в 1926 г., Булгаков стал ее крестным отцом [16, с. 192]. А на одном из листов рукописи ранней редакции романа Мастер и Маргарита («Консультант с копытом») в 1931 г. Булгаков записал: «Помоги, Господи, кончить роман» [53, с. 97].

И, наконец, в «Белой гвардии», написанной в 1924 г. и также отразившей автобиографический контекст, Алексей и Елена Турбины поочередно молятся иконе Богородицы, Алексей после смерти матери ищет утешения у отца Александра [1, т. 2., с. 85–86, 119, 353–354].

Если фрагмент поэмы Евангулова основан на реальных фактах биографии Булгакова, то можно предполагать, что толчком к перелому в религиозных взглядах писателя и было его потрясение в связи с арестом и помилованием в канун Пасхи, которое он осознавал как спасение в христианском смысле, как некое чудо, явленное ему Господом. Тем самым формулировка Булгакова «с креста снятый <...>

писатель» в «Записках на манжетах», вероятно, знаменовала и его духовное прозрение в этой ситуации. Здесь важно отметить, что (новый) кафедральный собор во Владикавказе имел для Михаила Булгакова особое значение, поскольку был посвящен его патрону — Михаилу Архангелу [21, с. 50–51]! На праздничной пасхальной службе он мог быть именно там.

Еще в заключении Павел Павлович Пупков вспоминает о своих детских молитвах св. Николаю, а свое освобождение приписывает его заступничеству. Очевидно, что это точно соответствует характеру домашнего воспитания в потомственной семье православных священников Булгаковых-Покровских:

И чтобы беде помочь
 Вспомнил, как мальчишкой в школе
 Он к угоднику Николе,
 Тайно мысленно зывал
 И Никола помогал <...>
 Есть у каждого свой рок
 (А Никола- то помог!) [14, с. 32, 36].

Примечательно, что и при аресте героя чекистами в приведенном выше отрывке говорится, что они забрали «Раба Божьего Пупкова» [14, с. 28–32, 36]. Таким образом, тема христианской веры Павла Павловича на разные лады многократно проигрывается поэтом.

Роман в стихах Евангулова свидетельствует о полной осведомленности автора в обстоятельствах, связанных с задержанием Булгакова. Видимо, поэтому, будучи зав. подотделом искусств, он испугался после пушкинского диспута и уволил писателя. Возможно, Евангулов именно это и имел в виду в следующих строках, используя даже то же выражение «не за страх, а за совесть», которое приводила в 1969 г. Е. Ф. Никитина со слов Б. Е. Этингофа:

Самого себя не мучай,
 И признайся же читатель,
 Что врасплох, как обыватель,
 Принужден ты был не раз
 Красных исполнять приказ,
 И служить им не за страх,
 А, пожалуй, и за совесть.
 Но в душевных сих делах
 Разбираться мы не будем <...> [14, с. 18].

Вероятно, кроме очевидных параллелей в хронологии событий страстной недели 1920 г. с Евангелиями, для Булгакова существенным было еще одно совпадение. В «Фаусте» Гете герой (доктор и философ) собирается принять яд вечером в субботу страстной недели. Он подносит бокал к губам в тот самый момент, когда раздаются колокольный звон и пасхальное хоровое пение ангелов, а затем жен-мироносиц и учеников. Фауст останавливается и воспринимает это как спасение, сожалеет об утрате своей детской набожности, но, вспоминая о ней, благодарит светлое воскресенье и пасхальные пес-

нопения. Приводим фрагменты текста Гете по изданию, которое было в библиотеке Булгакова:

«Какие святые звуки насильно отрывают бокал от моих губ? Неужели этот тихий звон колоколов возвещает начало торжественных часов Святой Пасхи? <...> привыкнув к этому звону от юности, чувствую я, что он призывает меня снова к жизни и теперь <...> Песня эта возвещала веселые игры юности и начало счастливых праздников весны. Воспоминания эти, пробудив во мне детские чувства, удерживают меня от моего сурового намерения. О, звучите, звучите, сладкие песни неба! Слезы текут по моим щекам! Я возвращен земле вновь» [6, с. 27–28].

Тем самым Павел Павлович Пупков, герой Евангулова, раскаивается в своем неверии и вспоминает детские молитвы, подобно Фаусту. Н. А. Земская отмечала, как Булгаков с детства любил оперу Гуно «Фауст», которую, еще будучи гимназистом и студентом, посетил в Киеве 41 раз [16, с. 82]. В «Белой гвардии» говорится, что в гостиной квартиры Турбиных «пианино показало уютные белые зубы и партитуру Фауста <...> истрепанные страницы вечного Фауста» [1, т. 2, с. 106]. Возможно, Евангулову и это было известно.

После неудачной попытки отравления Фауст встречается с Мефистофелем и заключает с ним сделку. Собственное спасение красным комиссаром во Владикавказе в канун Пасхи и последующее сотрудничество с тем же комиссаром в подотделе искусств могло осознаваться Булгаковым не только как чудо господне, но одновременно и как сделка с дьявольской властью большевиков, персонафицированной в личности Б. Е. Этингофа. Уподобление нечистой силе красной власти в целом и личности Л. Д. Троцкого в частности многократно использовалось писателем, например, в диалоге Турбина и Русакова и в авторских ремарках «Белой гвардии»:

«<...> В царство антихриста в Москву, чтобы подать сигнал и полчища аггелов вести на этот Город в наказание за грехи его обитателей. Как некогда Содом и Гоморра... — Это вы большевиков аггелами? Согласен <...> — <...> Виден над полями лик сатаны <...> — Троцкого? — Да это имя его, которое он принял. А настоящее имя его по-еврейски Авáддон, а по-гречески Аполлион, что значит губитель» [1, т. 5, с. 358].

«Нет, задохнешься в такой стране и в такое время. Ну ее к дьяволу!» [1, т. 5, с. 151].

Как известно, это не укрылось и от травивших Булгакова критиков. И. М. Нусинов обвинял писателя в том, что новая действительность и советская государственная машина эпохи военного коммунизма в его ранних сочинениях представлены как «дьяволиада» [30, с. 609–611]. Сходную трактовку образов советской администрации как inferнальных силы в творчестве писателя предлагали и современные исследователи [5, с. 83–123]. Б. М. Гаспаров

прямо интерпретирует приведенный выше отрывок из «Записок на манжетах», где чекист вынимает душу завито, как договор Фауста с Мефистофелем [5, с. 83–123]. Б. Е. Этингоф же, по-видимому, казался Булгакову наиболее приемлемым или даже симпатичным представителем этой «дьяволиады», как и Мефистофель у Гете, о котором Господь говорит: «Я никогда не ненавидел подобных тебе. Из всех духов отрицателей плуты огорчали меня меньше всех» [6, с. 15].

Подтверждением такого осмысления писателем весенней ситуации 1920 г. служит следующий факт: 15.03.24 Булгаков подарил Слезкину только что вышедшую «Дьяволиаду» с надписью: «Милому Юре Слэзкину в память наших скитаний, страданий у подножия Столовой Горы. У подножия ставился первый акт Дьяволиады; дай нам Бог дожить до акта V-го — веселого с развязкой свадебной» [3, с. 37].

Б. М. Гаспаров отмечал, что в творчестве Булгакова сквозным мотивом стало слияние легенды о Фаусте и евангельского повествования. Кроме того, во многих его произведениях критические события происходят в весенние месяцы и имеют явные пасхальные ассоциации [5, с. 83–123]. Теперь очевидно, что это имело автобиографический характер.

Примечательно, что имя Б. Е. Этингофа, кажется, никогда не всплывало в переписке Булгакова, в его дневнике, в мемуарах трех его жен или родных. Упомянул его только Слезкин спустя двенадцать лет после событий 1920 г. во Владикавказе. По-видимому, обстоятельства этого знакомства были столь опасны для Булгакова, а может быть, и для Б. Е. Этингофа, что огласке долгое время они не подлежали. Этингоф не отличался особой осторожностью, но не мог не знать об осведомителях, посещавших Никитинские субботники до Второй мировой войны, и об опасности, которая грозила бы и Булгакову, и ему самому при разглашении обстоятельств владикавказского эпизода.

Следует отметить, что Е. Ф. Никитина не проявляла академической точности при передаче информации. Трудно сказать, была ли она отчасти забывчива или скорее лукавила. Возможно, что в версии, пересказанной М. О. Чудаковой, она смешала эпизоды из разных рассказов Б. Е. Этингофа: его фронтовые воспоминания о санитарных войсках во время Первой мировой войны и о встрече с С. М. Городецким, о тифозных эпидемиях в армии в периоды Первой мировой и гражданской войн, а также о знакомстве с Булгаковым, который был многократно мобилизованным врачом. Могла она также из осторожности сознательно изменить контекст этой ситуации: как мы видели, в 1969 г. она намеренно замалчивала свои супружеские отношения с Б. Е. Этингофом и даже его фамилию, приоткрывая только его реальное имя и называя следователем. Не говорила она ни слова о денкинках, но упоминала меньшевистскую власть, как предшествующую и враждебную красным. Осваг Е. Ф. Никитина называла «литературным полужурналом,

полугазетой». Она опустила название города Владикавказа, и лишь неопределенно говорила о юге. Не зная истинной ситуации на Северном Кавказе и юге России она не могла, поскольку в 1919–1920 гг. сама находилась при Деникине в Ростове, а с приходом красных ее второй муж А. М. Никитин был там же арестован в мае 1920 г. [43, с. 41–42, 56–57]. Заметим, что Отдел пропаганды добровольцев, частью которого к тому времени и был Осваг, базировался именно в Ростове. В 1969 г. М. А. Булгакова не было в живых уже 29 лет, а Б. Е. Этингофа — 11. Вероятно, какие-то веские причины все еще побуждали Е. Ф. Никитину в условиях СССР к конспирации, хотя и довольно наивной, поскольку она и так слишком многое назвала своими именами. Была ли это просьба Е. С. Булгаковой, готовившей публикацию прозы писателя, или ее собственные опасения? Известно, что Е. С. Булгакова последовательно скрывала белогвардейское прошлое мужа и жаловалась его брату Н. А. Булгакову в письме от 13.11.60:

«<...> Существует много сказок и легенд, вроде того, что он служил в белой армии <...> И когда бывает, что мне задают эти вопросы, и я говорю, что он никогда не был в армии, что он всегда был штатским врачом, сначала земским, а потом частным в Киеве <...>» [2, с. 320].

Аналогичным образом она не желала признать и авторство Булгакова в случае с его фельетоном «Грядущие перспективы», опубликованном в белой газете [54, с. 120].

Вместе с тем, и в обеих версиях рассказа Е. Ф. Никитиной, говорится о спасении Булгакова Б. Е. Этингофом во время гражданской войны в ситуации, когда была арестована группа белых журналистов или офицеров после прорыва Южного фронта красными войсками. Согласно версии, приведенной М. О. Чудаковой, другие добровольцы в этой ситуации были расстреляны. Тем самым основное зерно взаимоотношений Булгакова и Б. Е. Этингофа во Владикавказе сохранилось. Вероятно, все или почти все остальные из 25(?) задержанных в ходе первой (?) регистрации и не были амнистированы, особенно, если там было «белогвардейское гнездо». Во всяком случае, Т. Н. Лаппа свидетельствовала, что сын атамана (генерала?) Дмитрий, живший в их доме, был расстрелян.

По воспоминаниям Н. Б. Этингоф, уже в середине 1920-х годов, когда Булгаков стал публиковать свои повести, Этингоф выражал свое отношение к нему: «Я так и думал, что он чертовски талантлив. Ай да сукин сын! Я не ошибся» [56].

В конце жизни, спустя много лет после событий 1920 г., смерти Булгакова, собственных бедствий в период исключения из партии и потери работы, Б. Е. Этингоф читал лекции о А. С. Пушкине совсем недалеко от Владикавказа, где диспут о великом русском поэте сыграл столь роковую роль в жизни Булгакова, и в котором сам Этингоф, вероятно, также участвовал.

Итак, на основании источниковедческого материала, можем заключить, что М. А. Булгаков и Ю. Л. Слезкин были арестованы красными, вошедшими во Владикавказ к началу апреля 1920 г., Б. Е. Этингоф по роду деятельности вынужден был разбирать это дело, он освободил из-под ареста и тем самым спас от казни обоих литераторов, и произошло это на страстной неделе в канун христианской Пасхи. После этого они работали всего несколько месяцев в подотделе искусства Терского наробраза под его началом. Знакомство с Б. Е. Этингофом, происшедшее в северокавказской провинции, задолго до крупных публикаций и постановок пьес Булгакова в Москве, можно было бы рассматривать как частный и мелкий эпизод в драматичной и бурной биографии писателя. Однако, по-видимому, благодаря этому знакомству в трагический и поворотный момент Булгакову удалось сохранить жизнь и полностью отдаться литературному труду, каким бы ни был этот труд в тех обстоятельствах. Может быть, иначе мы не узнали бы одного из самых значительных русских писателей XX века.

Литература

1. Булгаков М. Собрание сочинений: в 8 т. / сост. В. И. Лосева. СПб.: Азбука-классика, 2004.
2. Булгакова Е. Дневник Елены Булгаковой. М.: Книжная палата, 1990. 400 с.
3. Булгаковы М. и Е. Дневник Мастера и Маргариты. М.: Вагриус, 2004. 557 с.
4. Великая Россия. 1920. 14 июля.
5. Гаспаров Б. М. Новый завет в произведениях М. А. Булгакова // Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука, Изд. фирма «Восточная литература», 1994. С. 83–123.
6. Гете Й. В. Фауст. Трагедия / пер. и объяснения А. Л. Соколовского. СПб., 1902.
7. Гиреев Д. А. Михаил Булгаков на берегах Терека. Документальная повесть. Орджоникидзе: Ир, 1980. 60 с.
8. Гиреева Т. Д. «Вы очень верно передали мир Михаила того времени...». Переписка первой жены М. А. Булгакова Т. Н. Булгаковой (Кисельгоф) с Д. А. Гиреевым. 1980–1981 гг. // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1994. Т. 53. № 1. Письмо от 24.12.1980 г.
9. ГЛМ, ф. 135, оп. 2, д. 17, л. 4–5.
10. ГЛМ, ф. 135, оп. 2, д. 17, л. 3.
11. ГЛМ, ф. 357, оп. 1, д. 98, л. 2
12. Голос России. 1920. 18 июля, № 158.
13. Дроздов А. О. О Юрии Слезкине // Слезкин Ю. Чемодан. Берлин: Мысль, 1921. 48 с.
14. Евангулов Г. Необыкновенные приключения Павла Павловича Пупкова в СССР и в эмиграции. Париж: Navarre, 1946.
15. Жизнь. Вестник мира и труда. Двухнедельный журнал. 1920. 15 июля, № 8.
16. Земская Е. А. Михаил Булгаков и его родные: Семейный портрет. М.: Языки славянской культуры, 2004. 360 с.
17. Известия... 1920. 2 апреля, № 8
18. Известия... 1920. 6 апреля, № 11.
19. Исмагулова Т. Откуда пришел «литературный волк» (Михаил Булгаков и Юрий Слезкин) // Булгаковский сборник. Вып. V. Мат-лы по истории русской литературы XX века / сост. и ред. И. Белобровцева, С. Кульяс. Таллинн: Изд. Таллинского ун-та, 2008. С. 89. Прим. 18.

20. Карум Л. С. Горе от таланта: М. А. Булгаков как человек и писатель: очерк. Новосибирск, 1967 (АМБК, л. 14).
21. Киреев Ф. С. По улицам Владикавказа. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2007. 189 с.
22. Книга и революция. 1920. № 5.
23. Коммунист. 1920. 11 апреля, № 4.
24. Коммунист. 1920. 21 августа, № 113.
25. Кончаковский А. П. Библиотека Михаила Булгакова. Реконструкция / под ред. Е. С. Глущенко. Киев: Музей истории города Киева: Литературно-мемориальный музей М. А. Булгакова, 1997.
26. Кусов Г. Встречи со старым Владикавказом. Владикавказ: «Алания», 1998. 328 с. 27. Михаил Булгаков. Жизнь и творчество. С. 113. Е. А. Земская сомневалась, что на фотографии представлен М. А. Булгаков.
28. Мягков Б. С. Булгаковские места России. М.: Моск. рабочий, 1993. 222 с. 29. Никоненко Ст. Несколько слов о писателе Юрии Слезкине // Юность. 2008. № 3. С. 15–17.
30. Нусинов И. Булгаков // Литературная энциклопедия. М.: Изд. Коммунистической академии, 1930. Т. 1. С. 609–611.
31. Паршин Л. Чертовщина в американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова. М.: Книжная палата, 1991. 206 с.
32. РГАСПИ, ф. 80, оп. 23, д. 31, л. 67, 68.
33. Русская книга. Ежемесячный критико-библиограф. ж-л. 1921. № 1, январь.
34. Русский Берлин 1921–1923. По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте / изд. подг. Л. Флейшман, Р. Хьюз, О. Раевская-Хьюз. Paris, М., 2003.
35. Свободный Терек. 1920. 6 апреля (24 марта), № 12.
36. Слезкин Л. Ю. До войны и на войне. М.: Парад, 2009. 520 с.
37. Слезкин Ю. Из дневника писателя. Публикация Ст. Никоненко // Советская Россия. 1987. 29 ноября. № 275 (9526).
38. Слезкин Ю. Письмо с того света // Вестник литературы. 1920. № 12. С. 16.
39. Слезкин Ю. Я жив // Веретеныш. Берлин, 1921. № 1.
40. Слезкин Ю. Л. Столовая гора: повесть о многих изгнанниках / предислов. и публ. Ст. Никоненко // Дарьял. 2005. № 3–5.
41. Соколов Б. Три жизни Михаила Булгакова. М.: Эллис Лак, 1997. 432 с.
42. Файман Г. На полях исследований о Булгакове. Заметки читателя // Вопросы литературы. 1981. № 12. С. 195–196.
43. Фельдман Д. М. Салон-предприятие: писательское объединение и кооперативное издательство «Никитинские субботники» в контексте литературного процесса 1920–1930-х годов. М.: РГГУ, 1998. С. 41–57.
44. ЦГАИПДРСОА, ф. 1849, оп. 1, д. 96, л. 1.
45. ЦГАИПДРСОА, ф. 1849, оп. 1, д. 43, л. 7; ф. 1849, оп. 1, д. 98, л. 46.
46. ЦГАРСОА, ф. 303, оп. 1, д. 150, л. 44–46.
47. ЦГАРСОА, фр. 36, оп. 1, д. 105 (77), л. 84.
48. ЦГАРСОА, фр. 36, оп. 1, д. 146 (120), л. 20, 32.
49. ЦГАРСОА, фр. 39, оп. 1, д. 37, л. 45.
50. ЦГАРСОА, фр. 39, оп. 1, д. 21, л. 5.
51. ЦГАРСОА, фр. 49, оп. 1, д. 114, л. 1; фр. 39, оп. 1, д. 19, л. 37.
52. ЦГАРСОА, фр. 49, оп. 1, д. 114, л. 3.
53. Чудакова М. О. Архив М. А. Булгакова: Материалы для творческой биографии писателя // Записки отдела рукописей ГБЛ СССР им. В. И. Ленина. М., 1976. Вып. 37.
54. Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988. 2-е изд.
55. Этингоф Н. Кострома: Театр юного зрителя — ТЮЗ // Отечественные записки. Журнал для медленного чтения. 2008. Т. 40. № 1. С. 325–326.
56. Этингоф Н. Б. Отец — Борис Евгеньевич Этингоф (1886–1958). Архив Е. Б. Этингофа.

АСТА ERUDITORUM. 2019. Вып. 32.

СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2019.

Подписано в печать 28.12.2018. Формат 60×90 1/8.

Печать офсетная. Усл. печ. л. _____. Тираж ____ экз. Заказ № _____

Издательство РХГА

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15.

Тел. (812) 310-79-29, факс. (812) 571-30-75